

Владимир Липатов
ВАСИСУАЛИЙ, ОН ЖЕ ВАСЬКА

Плавбаза «Алексей Поздняков» Рижской базы рефрижераторного флота. Фото из инета.

«... Рыбак за 175 суток рейса становится здоровее здорового...» - вольная трактовка брошюры «Режим труда и отдыха рыбаков ВРПО Запрыба» 1983 года издания. Составлена медицинскими светилами на основании глубоких исследований организмов.

Плавбаза – это такая галера под двести метров длиной, где круглосуточно, в течение полугода двести двадцать рабов дают стране План по мороженной рыбе, пресервам, рыбной муке и жиру... плюс повышенные соцобязательства.

Этот План, на старте перестройки, окрылял: за полгода бешеной работы в районе Западной Сахары надлежало принести Родине УБЫТКУ аж на триста тысяч рублей. По оглашении его на общем собрании экипажа, я хотел было спросить с каким знаком планируется итоговая зарплата, но голос утонул в аплодисментах, переходящих в овации.

– Вопросы есть товарищи? – помполит подозрительно окинул взглядом лица «товарищей». – Вопросов нет. Тогда обсудим встречный план.

– У меня. Предложение. – я встал, пару раз хлопнул в ладоши. – Товарищи, предлагаю сообщить в Минрыбхоз, что мы дадим стране минус пятьсот тысяч за рейс! Кто больше?

Порыв был искренним, но помполит, скрытый униат-бандеровец, меня не понял.

– Я, - говорит, – давно к вам присматриваюсь. Шо-то нутро у вас какое-то не советское и мы, по приходу в Ригу посоветуемся с товарищами из первого отдела на предмет ваших провокаций.

– Да бога ради! Глубоко внутри я на сто процентов советский.

– Пятый месяц люди больны тяжелой работой. Траулеры подходят к борту бесконечной чередой - сто тонн сардины, сто пятьдесят, восемьдесят... Мое личное

существование тоже катится по бесконечному кругу равномерно и изнуряюще: четыре часа вахта на мостике, четыре – подвахта на рыбфабрике, полчаса - книги, три с половиной – нездоровый сон, четыре часа вахта...

Насквозь пропахший рыбой, я выскочил из рыбцеха и, засыпая на ходу, пулей помчался наверх. В темной каюте, не раздеваясь нырнул в постель и... в изголовье что-то жутко заверещало, взбрыкнуло и пустило в нос ядовитую струю. Волосы встали дыбом, а неведомая тварь оттолкнулась от лица, проскакала по груди и сгнула. Глюки?! Я осторожно встал, включил свет и готовый к худшему осмотрелся. Странная скотина семейства кошачьих, голая как сапожное голенище, злобно смотрела на меня с книжной полки. Ее хвост нервно подрагивал, указывая на готовность к прыжку.

– Кыся-кыся. - лихорадочно шаря руками за спиной, я нащупал в углу швабру, взял наперевес и битва за территорию началась. По каюте веером летали книги, черепки горшков с засохшими цветами, обломки мебели, но бестия была неуловима. Наконец мне удалось с лету вбомбить ее в рамку открытых дверей и запереться изнутри. Уфф! Позвонил старпому на мостик.

– Валера, у нас на пароходе есть коты?

– Какие коты?!

– Черные, лысые.

– Тебе на берег, к психиатру нужно. Ночью звонишь с идиотскими вопросами... – в трубке зазвучали короткие гудки.

В полдень, на мостике, палубные матросы просветили: владелицей кота Васисуалия, в народе - Васьки, выступала бойкая официантка Света лет сорока. Он обитал у нее в каюте двумя палубами ниже и прежде не высовывался, но сегодня ночью состоялся его первый выход и почему-то сразу ко мне.

Сменившись с вахты, я побрел на новый круг рыбацкого ада. У дверей каюты стояла уборщица с тряпкой в руках и внимательно изучала крендель, искусно выложенный на линолеуме.

– Кто?! – спросила она угрожающе.

– Ну не я же. Видишь - экскременты зверя, а я еще не озверел...

– Чтобы последний раз! Предупреждаю - к капитану пойду.

– Хорошо, последний раз, только убери пожалуйста.

Я, человек по натуре деликатный, спустился двумя палубами ниже.

– Света, угомони свою гиену, на цепь посади что ли. Загадила все подходы к каюте – не пройти.

– Тебя дурака на цепь посадить надо. – взъерепенилась Света. – У Васисуалия медалей как шерсти на твоей груди.

– Я бесшерстый...

– Не искушай собака такая! У Васи родословная! – у нее свои аргументы.

«Не искушай возвратом нежности твоей, не искушай...»

– Да мне по барабану его родословная! Я пашу как папа Карла, а тут это мурло мины под каюту ставит. Христом-богом прошу – уйми мерзавца, или я за себя не ручаюсь.

– Ой, напугал! Да я тебя... - мощным бюстом она приперла меня к переборке так, что я попал в «рогатку», начал задыхаться и задергался.

Насилу вырвался, помчался к хирургу Гошкину. Мы с ним приятели, люблю колоритных людей. В заскорюзлом от старой крови халате он недвижно лежал на операционном столе и пристально смотрел в угол.

– Никодимыч, кастрируй его!

– Кого? – Никодимыч не шевельнулся.

- Светкиного кота!
- Я людей кастрирую...

У хирурга крыша давно съехала - год на пароходе сидит, на кооператив зарабатывает. Не знаю успеет ли.

– Гениталии-то у всех одинаковы.

– Не скажи, там механизм другой. Мне Галка (старший врач) спирт не выдает вторую неделю. – пожаловался он в свою очередь. - На протирку инструментария. Стерьва!

Собственные биоритмы у него просчитаны на год вперед, а тут незадача. Каждый вторник, ближе к полуночи, Гошкин получает триста граммов спирта на нужды хирургии. Сто пятьдесят и минуты уходят на «стерилизацию» и уже ровно в полночь у него «биоритм» на пустынной вертолетной палубе. И каждый вторник, в предвкушении концерта, я тайно следую за ним и прячусь в шлюпке - маэстро не любит зрителя.

Тишина! Уставив жидкую бороденку в звездные небеса и прижав кулачищи к груди, он тоненько начинает выводить: «Со святыми упокой, Христе, души раб твоих...». Чистый волшебный голос разносится над океаном, летит к пустынным берегам Западной Сахары и под вертолетную палубу, где, ошалев от режима труда и отдыха «восемь через четыре» спят в бреду шестьдесят отпетых матросов-рыбообработчиков. И вдруг, сквозь тяжелый сон им приходят тени, слышатся голоса... Они - воинствующие атеисты, но мукомол сволочь, бывший поп-расстрига, подсуетился и вертолетка быстро заполняется нервной публикой. Хирург затылком чувствует посыл зрителя и делает паузу. С криком «Именем Закона...» продирается сквозь толпу психоватый Тарас Опанасыч, в миру Поносыч. Завидев помполита, певец грациозно разводит руки в стороны и объявляет: «Народная песня «Смутные времена» в исполнении Северного русского народного хора под управлением заслуженного деятеля искусств Анны Мешко! Попросим товарищи!». Изобразив бурные аплодисменты, окая, он заводит скороговоркой: «А рябина то прогнулась – ххууяк о камень головой!...». Далее идут покурри советских песен.

– Да, сделайте же ему козью морду! – бьется в падучей политический работник, но народ знает, что в нашей жизни до операционного стола шаг шагнуть и бездействует.

– Я приказываю!

Поющего хирурга неназойливо выносят за пределы кормовой надстройки и ставят на ножки. Жизнь удалась! С легкой душой Никодимыч спешит в хирургический кабинет «достерилизовывать» инструменты...

Следующим утром доктор Гошкин вновь молчалив и сосредоточен...

Это не смешно, ибо каждый лечит свою больную душу по-своему.

Сегодня у него не Гошкин день, я понимаю, но прошу как друга: - Никодимыч оскочи этого козла. Я тебе бутылку поставлю!

Он оживает, присаживается, смотрит на меня испытующе.

– Сейчас?!

– Как в Ригу придем, а сейчас дам две трехлитровых банки ревеневого сока. Говорят, если туда сыпануть непромытого риса, то через неделю пожалте бриться. Представляешь, шесть литров пойла!

– Пробовал, моча. Сам пей. – Гошкин опять лег. - Эх, что-то народ под нож не идет... Вот это беда так беда для хирурга. Скальпели заржавели. Последний раз, месяца три назад аппендикс электрику вырезал и с тех пор не могу швы снять. Не знаешь, где он прячется?

– Так не сможешь?! – мне не до его страданий.

– Я не коновал. Вали отсюда, не мешай медитировать... – профессиональная гордость не позволяет ему опуститься до животных. Прям злость берет.

– Ладно. Помнишь у островов Банана ты резал негра, перитонит искал, а я переводчиком

тебе ассистировал? Так вот следующий раз хрен тебе, а не переводчик. Знаками объясняйся! Давай!

Я хлопнул дверью.

Утром на мостик приперся четвертый помощник Коля – у него первый рейс после училища.

– Слушай, Коля. У меня вот такая мысль возникла... – На самом деле она только зарождалась. – Когда-то ведь и ты станешь вторым помощником. Знаешь, как здорово – приятная тяжесть золотых нашивок на погонах! Не то что твои сегодняшние пол сопли.

Дальше мне еще ничего не пришло в голову, а Коля уже разинул рот и, наверно, представил себя вторым.

– Короче, меняю каютами, но... не погонами. Все равно лет через десять переедешь в мою. Я после рейса в отпуск иду, буду ходатайствовать перед капитан-директором, чтоб переместил тебя сразу во вторые, минуя ступеньку третьего. Константиныч всегда ко мне прислушивается. А в следующем году Радий Константинычу на пенсию. Понял мою мысль? – Я шлепнул Колю под толстый зад. – И ты уже в старпомах, парень!

Четвертый сомлел от перспективы, вещи перенесли быстро, но у Васьки оказалась мощная биолокация. Я за неимением времени не мог его подловить, и он, регулярно и безбоязненно раскладывал свои кучи уже по новому адресу.

– Света! Пц, отгомонила роща золотая! Я твоего сожителя за грехи его на живца пущу. Тигровые акулы враз сожрут и в родословную не глянут.

Та – с жалобой к капитану. У меня под дверь кренделя кладут, и я же виноват! Старый греховодник попал меж двух огней.

– Володя, вы не любите животных?

– Люблю, но не тех, кто ср..., извиняюсь, гадит у моего порога.

– Надо мяхше с ними. Света вот жалуется, говорит – угрожаете убийством.

– Радий Константинович! Я три года на ботинки копил, приобрел наконец через Посылторг за сорок рублей, а сейчас не могу обуть. Слышали, город в Италии есть – НассАно называется?! Вот и у меня...

– А вы одеколонцу, – советует, – одеколонцу внутрь попрыскайте.

Хотел я ему посоветовать, куда попрыскать, да промолчал. Привык. Человек – такая скотина, что ко всему привыкает. Иногда по инерции вяло переругивался с уборщицей, а недели за две до прихода в Ригу Васька и вовсе пропал из поля зрения. Да и душу заполонило трепетное ожидание встречи. Меня ждали, меня очень долго ждали...

В устье Даугавы ржавую, ободранную штормами тушу плавбазы подхватили четыре буксира и осторожно сопровождали к причалам Вецмилгрависа. Мы, двести двадцать потерянных людей, сгрудились у борта и не могли оторвать взгляд от серой бетонной стенки. На причале играл оркестр, стояли люди, а мои глаза судорожно искали в толпе родное лицо.

– Вася, стой! Вася! – резонировал в ушах голос официантки Светы.

А Вася – хвост трубой, в бескозырке с золотыми лентами, в голубых трусиках и тельняшечке – мотался по планширю, жадно взирая на берег. Борт судна и стенка причала еще не сомкнулись, а бешеный кот в затыжном прыжке достиг земли обетованной и ринулся к лежащей поодаль банде местных портовых котов.

Прошло три дня, я давно забыл Ваську и собирался уезжать домой. Он напомнил о себе в последний момент моего прощания с судном. На верхней площадке трапа друзья похлопывали меня по плечу, обнимали, балагурили, смеялись... Я растерянно отвечал, тоже улыбался, а на душе было грустно – кусок жизни прошел и выпал...

– Васисуалий! Ты ли это?!

Наверх по трапу, шатаясь и еле волоча лапы, полз кот. От Васиного бывшего величия не осталось и следа: он окривел на один глаз, уши порваны на ленты, морда в запекшихся блямбах крови опухла, и только резинка от трусов напоминала тот наряд, в котором он ушел в увольнение. Оттянулся за все шесть месяцев рыбачок. Как родного я подхватил его на руки, он доверчиво прильнул к груди, и понес к Свете в каюту.

– Светка, принимай пропажу – своих в беде не бросаем!

Лед в Светкиных глазах поплыл слезами. Все бывшие глупые распри были забыты, а впереди – лучшая жизнь.